

Ближние бояре —
“коллективный разум”
Смутного времени.
Уже тогда
они состояли
в разных партиях
власти
одновременно

Мастера культуры о политике, выборах и судьбе России

В дни выборов политики вспоминают про существование искусства небескорыстно. Заполучить для своей избирательной кампании громкое имя — большая удача, сделать это стремятся многие партии и блоки. Мы постарались избежать этого соблазна и просто поинтересовались у ведущих мастеров культуры, чья репутация нам кажется безупречной, об их отношении к политике как таковой и к ситуации, в которой оказалась наша Родина.

Мы задали им три вопроса:

- 1. В советские годы Вы были не в ладах с официальными установками. Устраивает ли Вас как художника наша демократия?**
- 2. Не кажется ли Вам, что в сегодняшней России борьба деятелей искусства с режимом потеряла смысл?**
- 3. Чего Вы ждете от грядущих выборов?**

Марлен ХУЦИЕВ, кинорежиссер:

1. Я понимаю демократию как свободу, которую обретает человек, уважая при этом мнения и желания других. Посмотрите, во что превращаются наши телевизионные передачи, какое падение вкуса! И во всем так: богатеют одни, нищают другие, сданы национальные, политические позиции — это скорее больше напоминает анархию, нежели демократию. Слишком резок был поворот.

2. То, что я делал, не было политической борьбой. Я обращался к человеку, к его сущности, к его жизненным позици-

ям, целям — короче говоря, к каким-то нравственным проблемам. О борьбе с властью, со строем я не собирался и думать, поскольку считал, что общество должно преобразовываться путем просвещения, постепенного перехода на более высокий уровень. Что касается внешней ситуации, то необходимы нравственные позиции в искусстве. Я не хочу сказать, что эротика, насилия, криминала в искусстве совсем не должно быть, но невозможно, чтобы только они были его содержанием.

3. Это для меня самый сложный вопрос, потому что такая вакханалия, такая реклама, такие дебаты вызывают неприятные чувства — вплоть до отторжения. Это напоминает балаган. Я не знаю, могут ли возникнуть в таких условиях реальные позитивные результаты. Но я буду стараться по мере своих сил разобраться в истинной ценности того или иного кандидата. Не пытаюсь сказать, чего я жду от выборов в целом, я постараюсь голосовать за тех, на кого я могу надеяться.

Михаил КОЗАКОВ, актер, режиссер:

1. Это демократия по-русски, как мы ее в силу нашего исторического развития способны осуществлять. Сам я предпочитаю социализм, который вырастает из хорошо развитого капитализма. Но, по сравнению с тоталитарным режимом, в котором мы жили, у нас есть сейчас свобода. Я обыватель, у меня семья, дети, внуки. Как обыватель я смотрю телевизор и вижу людей, которые мне симпатичны. Парадокс в том, что они находятся в разных партиях. Иногда они на экране враждуют, и я как обыватель думаю: “Господи, ну почему же так должно случиться?” Делается страшно, потому что я думаю: “Завтра придет диктатор, мы опять на новом витке сыграем историю 17 года”. Я сижу у телевизора, моргаю глазами и начинаю плакать, потому что сердце уже не выдерживает. И пытаюсь тогда говорить: “Делай свое дело порядочно, честно играй честные роли и пытайся доставлять людям хоть какую-то радость, насколько позволяют твои способности и силы”.

2. Художник всегда противостоит власти, куда власть или закон в стране не делаются идеальными. А идеального нет нигде. Главное — неучастие во лжи. Стараться жить так, чтобы спасти свою душу, как говорил мой любимый Толстой. И сеять, извините за банальность и старомодность, разумное, доброе, вечное. Все равно давать катарсис. Я люблю сво-

его зрителя и мне неважно, врач он или учитель — я должен постараться утешить его, развлечь. Моя задача сегодня — гармонией, словом, спектаклем сказать: “Господа, ненависть порождает только ненависть, и это не прерогатива евреев, христиан или мусульман”.

3. Я очень грустно смотрю на выборы, потому что общество трагически расколото. Но я надеюсь, что молодежь, если она не совсем отупела от поп-плясок, если она задумается о себе, проголосует за молодых. Я бы не хотел, чтобы мной правили старики, хотя сам старик. Старые должны давать советы, но не править страной. Но я далек от мысли, что будет так, как мне бы хотелось.

Сергей ЮРСКИЙ, актер, режиссер:

1. По-моему, это нельзя назвать демократией, потому что демократия есть правление народа. У нас народ пока что не может и не хочет править.

2. Мне кажется, то, что вы называете политической борьбой путем искусства, было использовано людьми искусства (за неимением других средств) как политической борьбы. Искусство на этом не стоит. Искусство — отдельная часть жизни, гораздо более высокая, чем политическая борьба. Это борьба за души, это где-то на середине между религией, истинным смыслом жизни, который превышает религию, и политической борьбой — всеми тремя точками, из которых самая нижняя — политическая борьба.

3. Я ничего хорошего не жду от выборов — ни от этих, ни от каких-либо других. Страна притворяется демократической, но не имеет народа, который научился собой править. Ситуация сложная и фальшивая. Поэтому я очень тревожусь за страну.

Подготовил
Ник СМЕРНОВ

Кузьма АНДРЕЕВ

“Шуйского вообще не любили в Москве, но добрые граждане не хотели менять его на какого-нибудь боярина, тем менее на царя тушинского, ибо хорошо знали, чем грозит торжество Вора”, — писал Сергей Михайлович Соловьев о ситуации в русской столице конца первого десятилетия XVII века. Василий Шуйский занимал русский престол и, как сказали бы сейчас, возглавлял партию власти. В Тушине располагалась партия власти будущей — лагерь претендовавшего на престол Лжедмитрия II, или Тушинского Вора. Время на дворе, сами понимаете, стояло смутное. Как раз такое, когда, сославшись на сложность момента, можно было оправдать кого угодно и что угодно. Кому какое дело до личных и деловых качеств сидящего на троне человека? Надо сначала с еще большим злом справиться.

Понятное дело. С одной, правда, странно-

Мутное время

стью. Последний и решительный бой со злом шел как-то вяло. Вор сидел в Тушине, царь — в Кремле, а бояре и здесь и там присутствовали. Один и тот же человек мог сегодня быть при Шуйском, завтра — при Воре, а на следующий день — опять в Кремль вернуться. Все это продельвалось без каких-то негативных последствий. Напротив, “перелеты”, как их тогда называли, могли получить в одном месте жалование, в другом — награду за возвращение и раскаяние, а потом раскаяться в своем раскаянии и снова отправиться за наградой. Произносившиеся сторонами клятвы и проклятия, в свою очередь, не сказывались на отношениях между “перелетами”. У того же Соловьева читаем: “Собирались родные и знакомые, обедали вместе, а после обеда одни

отправлялись к царю Василию, а другие ехали в Тушину”.

Такая вот идиллия — все понятно и логично. Если в стране появляются две партии власти, люди, стремящиеся быть к этой власти поближе, находят единственно верный выход: спешат отметить в обоих местах. Вы спросите, а где же принципы? А принципы уже однажды отбросили в сторону ради борьбы против большего зла за то же самое зло, но меньшее. Да и как опираться на принципы, живя в смутное, точнее, мутное время, когда политическая видимость очень ограничена и непонятно, куда эти самые принципы заведут?

Но весной 1609 года молодой воевода князь Скопин-Шуйский начал наступление на Ту-

шинского Вора, а 21 марта 1610 года торжественно вошел в Москву. Даром разрушение кормившей не одного человека системы ему, конечно, не прошло. 23 апреля во время пира Скопин-Шуйский скоропостижно умер. И все же дело было уже сделано. Не прошло и трех месяцев, как собравшимися на Красной площади людьми царь был признан несчастливый, после чего его заставили покинуть престол и постричься в монахи.

Оставшаяся без руководителей партия власти попыталась было править с помощью коллективного разума, а потом и подобрать правителя, соответствовавшего текущему моменту, но безуспешно. Своими хлопотами те, кто занимался переделом власти, настолько замутили все вокруг, что не разглядели вовремя людей, которые пошли за мещанином Мининым и князем Пожарским. Они боролись не за меньшее зло, а за Родину. И любили они ее не из политической целесообразности, а просто так. Из принципа.